

РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОБИЛИЗОВАННЫЙ И ПРИЗВАННЫЙ

ПРОЧНОСТЬ, не слабеющая с годами сила строки — как нужна была она Маяковскому с его постоянными думами о будущем, о встречах и беседах с потомками.

И вместе с тем как он был далек от суетной и себялюбивой заботы о сбережении своей славы, от расчётливых оглядок на некие «вечные нормы», будто бы способные защитить стих от старости. «Умри, мой стих, умри, как рядовой, как безымянный на штурмах мерида наши» — восклицал он, отказываясь от бессмертия ради участия в общенародных трудах, посылая свои стихи в грандиозные бои и в каждодневные схватки и стычки.

И — чудесное дело... Строки Маяковского, что были частью стихов сугубо оперативных и рядовых, связанных с неповторимыми особенностями падания годов, с постановкой задач, ныне уже решенных, звучат так, словно они написаны сегодня.

Образ Сибири, озаренной солнцем мартенов: разговор с американистами, дивящимися «коммунистическому берегу», его успехам и свершениям, гневные, презрительные слова по адресу Фомы неверующего, способного только «все отвергать и хаять», точное определение критики, недостатков, которая есть «лучшее из доказательств нашей истинности и силы»... Эти строки могут вернуться на газетные полосы, снова призывая, приводя в движение человеческие сердца.

Но почему же сохранили свое значение стихи, казалось бы, неразрывно прикреплённые к событиям, давно ставшим достоянием прошлого, почему они живут рядом с поэмами Маяковского, с теми его произведениями, которые освещают основы современного человеческого бытия, говорят о самых сокровенных, коренных убеждениях и принципах поэта?

Да потому, что для Маяковского не существовало разделения на преходящее, «очередное» и неизбывное, устойчивое. Вер-

Через горы
в времени

И. ГРИНБЕРГ

нее говоря, в любом выдуманном жизненно вопросе он отчетливо различал постоянно действующие силы нашей действительности, и все было для него неотъемлемым звеном великих революционных деяний. Ему не нужно было каждый раз механически «отключаться» на том, ставшую в порядок дня. Он находился внутри мощного движения и находил свои доказательства для подтверждения жизненности великих идей коммунизма, которым был предан всем существом, всеми мыслями и чувствами.

Начиная свой путь, поэт предчувствовал приближение революции, ее очистительное и созидательное воздействие. Приход новых времен сказывался и в его собственном творчестве. Древняя тема тоски по человеческому общению получила небывалое истолкование и разрешение. Поэт, терзаемый одиночеством, возвышался над ним своей заботой о других людях, также чающих сплоченности. Память о большом мире, о жизни масс неотступно владела им. Даже «Облако в штанах» — поэма о любви — оказалась и поэмой о нравственном достоинстве людей труда, об их пока еще скрытом могуществе. Золотые россыпи душ, рабочие руки, скрывающие «мировые приводные ремни», — какие это были необычные, ослепительно радостные, грозные образы!

После символических туманов, после ограниченной «вещности» акмеизма, рядом с беспредельной звукописью большей части футуристов особенно

разительна реальность головокружительных фантазматических, разыгрывавшихся в «Войне и мире», где все страны земли присоединились к единственному человечеству, а действующими лицами вселенской мистерии выступили континенты и народы.

Но вот что более всего примечательно в огромных масштабах исторических свершений — на мгновение не исчезает, не терзается человек, сперва погребенный под грузом страданий, потом торжествующий и свободный. Рядом со своими современниками встает поэт, он говорит от своего имени, зная, что говорит от имени многих. Подчеркнуто индивидуальное выражение отнесено общественную широту образного содержания. Возникает новая лирика, новая поэма, потому что она слита с эпосом, и потому, что даже в собственно лирических ее звеньях постоянно присутствует память о большом мире, о человечестве. Источники этих грандиозных поэтических открытий и заветов — впервые в истории возникшие содружества людей труда, сплотившихся под знаменами коммунизма для создания нового общества.

Пройдет немного времени, появятся десятки мастеров революционного стиха и каждый из них найдет свои слова и краски для повседневной героики эпохи. Поэзия социалистического реализма творится многими художниками слова, идущими несхожими путями. Но принципы, которыми они руководствуются, цели, к которым они стремятся, едины. Никогда не забудутся огненные строки Маяковского, в которых определены и утверждены эти священные принципы правды, партийного искусства, участвующего в переломе жизни.

В равной мере поразительны последовательность, с которой Маяковский осуществлял выдвинутые им заветы поэтического творчества, и его готовность учиться в жизни, осваивать новые пределы, совершенствовать и в случае необходимости видоизменять свое мастерство. Стоит подумать о том, как решительно он взял на вооружение в годы гражданской войны традицию античной поэзии, работавшую Демьяном Бедным в ее предреволюционные годы.

На фронте борьбы за торжество нового мира, прорывались «из

ВЫШЛИ В СЕТ...

Захаров Я. Маяковский в газете. Свердловское книжное издательство. 64 стр. 10 000 экз. 7 коп.

Милославский Б. Сатирик и время. О мастерстве Маяковского-драматурга. Советский писатель. 304 стр. 10 000 экз. 73 коп.

Наумов Е. В. Маяковский. Семимарий. Издание 4-е, переработанное и дополненное. Учитель, 443 стр. 14 000 экз. 69 коп.

Сурма Ю. Слово в бою. Эстетика Маяковского и литературная борьба 20-х годов. Лениздат. 207 стр. 20 000 экз. 59 коп.

Шилов И. Здесь жил Маяковский. 2-е, переработанное и дополненное издание. Издательство «Московский рабочий». 174 стр. (По музею и выставкам. Москва и Подмосковья). 26 000 экз. 23 коп.

Завентов И. Маяковский в Петроград-Ленинград. Лениздат. 392 стр. 6 000 экз. 60 коп.

барских садоводств поэзии — бабы напрозой! — самые талантливые и совестливые художники, способные слушать время, не желающие существовать вне народной жизни. Для Маяковского это приобщение к боевой службе стиха было не только потребностью, но и естественным состоянием, насущно необходимым делом. Несколькими годами спустя он писал:

Пролетарии
приходят к коммунизму
низом —
серпов
и вил, —
я ж
с небес поэзии
брошаюсь в коммунизм,
потому что
нет мне
без него любви.

Лейфолы — и не только они — в ту пору считали, что для выполнения «социального заказа» надобно отказаться от вымысла, от поэтического обобщения, образности. Ставился знак равенства между гармонией и сладкогласием, красотой и декоративным украшательством, лирикой и интимными излияниями. Несостоятельность подобной подмены была очевидна. Потому что с такой иронией и писал Маяковский о тщетных стараниях тех, кто атковал лирику, и о поэзии, которая «существует — и ни в зуб ногой». Он знал: новой действительности нужна вся звонкая сила стихового слова, и в его творчестве поэтическая речь блещет разнообразием словесных, эмоциональных, жизненных красок.

Многообразие движение стиха Маяковского в равной мере и в лирике, и в эпосе. «Рифма поэта — ласка и поэзия, и штык, и кнут», «сгрудим нежность слов и слова-бичи», — неустанно зовет он. И находит разноречивые слова, по мере того как враг меняет свои обличья, находит новые нежные слова, по мере того как все отчетливее, зримее выступает неопровержимая реальность идей коммунизма. Он говорит «во весь голос» о любви и об искусстве, о труде и о классовых боях.

Маяковский избирал старое и в быту и в поэзии. Пространная модель образов, тем, мотивов, за которым стоит бедность мыслей и стремлений, Маяковский различал всю вредность подобного рода сочинений.

Сторонники «чистого искусства» в наши дни, как и в другие времена, старались прежде всего укрыться на территории лирики, изливая свои ничтожные, скудные чувствования и навязывая свои убогие, плоские, обыденские представления о смысле и цели поэтического творчества.

В упорной, годими длившейся борьбе сарказм и ирония были не единственными орудиями Маяковского. Дороже всего ему была возможность опираться на живую действительность, черпать свои доказательства из гущи жизни, находить источник своего пафоса в положительном.

Он считался, когда в неопровержимо достоверных событиях и судьбах выступал «коммунизма естество и плоть». Он бережно отыскивает ростки нового, говоря о них, как о чуде. Претворение замыслов, материализация справедливых и высокой идеи, превращение ее в повседневность — знаменательная черта революционной эпохи. Маяковский и здесь первым сказал свое слово, наметил направление дороги, по которой теперь все дальше и выше идут живые силы нашей поэзии.

Благодарность — прекрасное чувство, отлично характеризующее тех, кто его испытывает. И радостно видеть, что ныне работающие поэты благодарны Маяковскому, что они по-настоящему (а не по-юбилейному!) любят его творчество, понимают самую суть совершенного им подвига.

Сравнительно недавно находи-

ПЛОЩАДЬ МАЯКОВСКОГО

Две буквы стоят
квадратные, строчные,
как двойной венец печати

как плечи широкие,
крепкие,
у входа, открытого всем, всем...

ММ,
Фоточерк М. Трахмана

Языком плаката

«...Это — красочная история трех боевешных годов Союза...» — писал В. Маяковский об одном из своих плакатов. В тесном сотрудничестве с поэтом работали и художники. Это сотрудничество означало, вошедших в золотой фонд советского искусства. К сожалению, далеко не все из них сохранились до наших дней. Независимо в Государственной публичной библиотеке имени Маяковского. Сегодня мы публикуем его редкое и мало кому известное «Окно». Стихи под рисунками М. Черемных написаны Маяковским. Планшет датируется второй половиной июля 1921 года. Тематически он связан с повышением железнодорожных тарифов.

1. Крестьянин, сходи на картину эту: поймешь, почему вздорожали билеты. 2. Транспорт разрушен — настоящий транспорт паровозов стоит руля. 3. А ездят все, кому ездят ночь, не день, деня. 4. Волне людской не выдать конца, а везет с собой полтора огура. 5. Ездят паровоз — отдыху ни минутки. 6. а в нассе — полтинник за целые сутки. 7. Проезд дешевле паровой репы. 8. а деньги на починку выкапывая Соудели! 9. Государство возьми платочек, как инции. 10. а торговца лафа — наживет тыщи. 11. Вот затем, чтоб на транспорт ставить заплату. 12. надо брать со всех повышенную плату.

Поэт шагает по свету

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Весенним днем 1927 года поэт попал на нашу страну. Его голос сотрелся записи народного дома. Гуляя по Праге, он попал на средневековую улицу алхимиков — «Злату улочку». Там ему предложили достать рукой до крыши маленького домика, а Маяковский сказал, что лучше уж достанет до купола собора святого Вита.

Все это стало историей и запечатлено в воспоминаниях современников, принимавших тогда Маяковского, — Витеслава Незвала, Адольфа Гормейстера, Иосифа Гора.

Как-то так получилось, что Маяковский и ушел из Чехословакии, и остался в ней навсегда.

Жизнь его книг столь же драматична, как и его собственная судьба. Было время, когда интерес к Маяковскому временно ослабевал. Я думаю, во многом поныне комментаторы и пропагандисты, которые превратили сложного, своеобразного и увлекательного поэта в скучного, благовоспитанного доктрина с неизменно строгим указующим перстом.

Маяковский в Чехословакии много переводили. Но одно время в центре внимания оказались лишь произведения одного стихотворца (поэзия Маяковского). Мелкокали и те же названия. Все это сопровождалось довольно поверхностными и упрощенными толкованиями.

В наши дни поднимается новая волна интереса к Маяковскому — интереса углубленного, серьезного, и я бы сказал, зрелого. Поэт открывается нам в своей кровной приверженности делу революции, в широких связях со всей советской поэзией, с прогрессивным искусством Европы и мира.

Расскажу только об одном свидетельстве народного интереса к

Маяковскому в Чехословакии — нашем клубе поэзии. Это организация любителей поэтического слова. Сейчас их уже 24 тысячи. Для них выпускаются специальные издания большими тиражами, которые быстро расходятся.

Вот отрывок из письма одного члена клуба:

«Я не слишком любила поэзию. Вероятно, в этом повинен характер преподавания в школе. Клуб поэзии, в который я вступила случайно, вызвал у меня настоящий душевный переворот. Маяковский я полюбила только теперь».

Другое письмо:

«До его времени я смотрела на Маяковского, как на поэта хотя и выдающегося, даже гениального, но одновременно сухо-официального, как на поэта, который не особенно хорошо читается. Ваши издания это мое представление поправили. Мне кажется, я стал понимать Маяковского иначе и лучше, он стал мне намного ближе, ибо я понял и его глубину, и его эмоциональность. Поэтому я снова прочел его двухтомник, поэтому купил великолепную поэму «Про это»».

Так, в частности, казалось бы, случившееся открывается нечто общее: ко многим людям, к новым поколениям приходит поэт — живой собеседник, близкий друг.

Читая эти письма, я думаю о том, что мы — исследователи, переводчики, издатели великого поэта — в большом долгу перед ним. О его творчестве нельзя говорить как о чем-то отвлеченном.

Издавать Маяковского надо ярко, броско, с выдумкой.

Мы долго думаем, как лучше составить сборник его стихов. Как его называть? Неужели опять: «Избранное»?

И вдруг родилась мысль: назвать «Слова» — по полю Маяковского! Пусть это будет не просто ряд текстов под одним переплетом.

том, в книга, проникнутая духом борьбы, поэзии-подвига.

Она открывается стихами: «Я знаю силу слов...» Маяковский предостерегает в стихах, поэмах, высказываниях, фото, портретах, рисунках, дружеских шутках, кадрах из кинофильмов, его реклама, плакаты, поэтические призывы и приказы,

обличения и проклятия по адресу мира собственнического свинства и социальной несправедливости. Летопись его жизни и стихов... Маяковский для нас — товарищ, говорящий по-человечески, «соудруг» на всю жизнь.

Иржи ТАУФЕР

ИРАК

Только глаза на секунду закрыю, вижу белый сугроб — бинт на израненном лбу, вижу лист бумаги, намазанный кровью, читаю твое последнее слово: «люблю».

Ты идешь по асфальту шару, посыл поезда Ресины, великан из асфальта, мой старший брат. Читаю строку

твоей последней каски: Млечный Путь — серебряный, словно Бифрат. Убийцы Пушкина, желтобровые тусы, в черном списке тебя занесли. На багдадских уадах холодеют трупы до этой весны. Ты за них отомстишь,

мой брат. Ты подобен наущению в будущее карбу. Под носовским небом, наданным и добрым, повторяю твое последнее слово: «люблю»...

Абд аль-Ваххаб аль-Баяти Перевел с арабского Мухаммад КУРТАНЦЕВ

ВЬЕТНАМ

Вчера редакция «Литературной газеты» связалась по телефону с Союзом писателей Вьетнама. К аппарату в Ханое подошла секретарь правления Союза писателей Вьетнама товарищ Хоанг Чунг Тхонг, известный поэт, переводчик Пушкина, Маяковского и других русских поэтов.

— Маяковский, — сказал Хоанг Чунг Тхонг, — пользуется большой популярностью во Вьетнаме. Наша литературная общественность готовится к юбилею великого поэта. Ежедневная газета «Ван Нге» публикует статью о Маяковском, написанную для нас советским критиком С. Трегубом. В конце ю-

ля Союз писателей проведет юбилейный вечер, посвященный Маяковскому. Стихи Маяковского неоднократно печатались в наших периодических изданиях. Горько были приняты читателями его «Избранные произведения» и поэма «Вадимир Ильич Ленин» в переводе Хоанг Суан Нин. Сейчас мы готовим новые переводы стихов Маяковского. В них мы стараемся как можно лучше передать новаторский дух и образность стиха поэта.

Литературная газета стр. 3

№ 86 18 июля 1963 г.

Рисунок художника А. Костомолова

СИЛА ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ

ЕСЛИ бы можно было, не считаясь с хронологией, выбирать время, наилучшим образом соответствующее такой годовщине, как семидесятилетие Маяковского, — нельзя было бы найти более подходящее время, чем нынешнее необыкновенное лето, когда после июньского Пленума ЦК нашей партии вся страна много и увлеченно думает о том, чтобы развить все направления идеологической работы и сделать ее максимально действенной. К отечественному оружию поэзии Маяковского сейчас особенно часто обращаются — в газетных и журнальных статьях, в книгах, в ораторских выступлениях. Удивительная современность Маяковского как бы еще раз подтверждается самим опытом жизни. И хотя язык шестидесяти годов далеко ушел от языка годов двадцатых, мы не чувствуем этой дистанции времени. Маяковский — современнейший наш поэт, великий классик нашей поэзии.

Приходится называть вещи своими именами, хотя Маяковский и не принял бы эту честь — стать классиком, — которая ему полагалась бы сомнительно. Но советская литература значительно старше Маяковского, ее исторический опыт не может идти в сопоставление с тем, каким он был во время Маяковского — время зачинателя.

Вот почему и проблема советской, социалистической классики получила такое простое и естественное решение: эта классика существует, и она так же тесно и прямо связана с творчеством новых поколений советской литературы, как связана с ним поэзия Маяковского.

Это классика социалистического реализма. В изданиях Маяковского социалистический реализм получил свое глубочайшее выражение, и нашим исследователям, уже много сделавшим, еще предстоит показать все значение эстетических открытий Маяковского, направивших литературу на новый путь.

И. АНИСИМОВ

Перечитывая сегодня Маяковского, мы все больше осознаем полноту и насыщенность реализма его поэтических произведений. Вот почему время не отдаляет его от нас, а, наоборот, приближает к нам.

С годами становится все более ясным, что поэзия Маяковского — это сама наша новая действительность в стремительных ритмах ее движения, во всей ее порывающей сложности. Мы как-то не всегда отдаем себе отчет в том, что Маяковский был поэтом небывалой, сказочно новой действительности, что, если отвлечься от этого, нельзя во всем значении воспринять своеобразие его реализма. Необычность поэзии Маяковского коренилась в самой действительности, которая была изменяющейся сверху донизу, производной, невиданной. Отсюда — усиливающийся с годами эффект естественности необычайного в поэзии Маяковского. То, что было им прозрительно и очень смело угадано, становится общепризнанным и общеприятным. Поэтому поэзия Маяковского и стала классикой социалистического реализма, стала основой, на которой так много строится и так много можно построить в современной поэзии.

И если сегодня, после июньского Пленума, мы много говорим о том, какое значение имеет для современности борьба двух идеологий, если мы говорим о необходимости резкого отпора теориям «идеологического сосуществования», о наступательном духе всей нашей идеологической работы, то как не вспомнить, что Маяковский положил в основу своего творчества именно борьбу двух миров. Яркий контраст социализма и капитализма постоянно присутствует в его произведениях, наполняясь все большим содержанием, приобретая все большую силу убедительности.

Начиная с первых, порой еще отвлеченных заявок на эту магистраль и до последующего полноты реалистического раскрытия огромной, актуальнейшей, постоянно острой темы, Маяковский ведет сражение против капитализма и его растленной идеологии.

Если сопоставить верно угаданный Чинкато в «150 000 000» и уже познанный правду о капиталистических Соединенных Штатах в «Моем открытии Америки», то станет наглядным, как происходило реалистическое углубление контраста двух миров, стремительно нарастающая обличительная сила произведений Маяковского, нацеленных во врага, в капитализм.

Это — пример социалистического реализма в развитии. Сила ненависти, с которой Маяковский писал о капитализме, может быть измерена лишь силой его любви к Советской Родине. Вместе с тем, как возрастала реалистическая насыщенность его творчества, жадно вынымавшего все то новое, что несла в себе становившаяся социалистическая действительность. Современный читатель еще больше, чем современники Маяковского, ощущает в его стихах именно высокую поэтичность новой действительности. Маяковский был влюблен в эту новую жизнь, возникшую на его глазах, владевшую всеми его помыслами, увлекавшую его каждой новой своей чертой, становившуюся все более многообразной.

Он был энтузиастом, которого восхищала красота нового.

Что означает традиция Маяковского? Во всяком случае, это — не внешнее, не писание стихов «лесенкой», не показная актуальность. В опыте Маяковского — ключевая «гигантская суть» советской литературы, ее историческое предназначение, ее революционная новизна и ее связь с большой жизнью. Это — традиция сражающейся поэзии, и